

По имеющимся данным, человек за всю жизнь не может прочитать больше двух процентов книжных произведений, созданных в этом мире. Каждому из нас рано или поздно приходит мысль, какими должны быть произведения, на которые мы тратим личное время и жизненную энергию, отдаем им часть себя. Общение с книгой должно приносить и удовольствие, и пользу, а в идеале — еще и полноценный диалог с автором.

Мы стоим перед выбором: что читать. Так, создается личная библиотека. На первых порах она складывается стихийно: человек учится чтению, привыкает к книге, а действующие образовательные программы, начиная с дошкольных учреждений и заканчивая высшими учебными заведениями, предлагают базовый набор произведений, с которыми следует познакомиться, осмыслить и понять. При вхождении в самостоятельную взрослую жизнь мы имеем уже багаж прочитанного — у нас есть начальная библиотека, но вряд ли кто-то этим объемом и ограничивается. Порой мы решаем задачу — стоит ли очередное произведение и его автор нашего внимания. Чем больше вариантов, тем сложнее выбор. Чем мы старше — тем жестче критерии отбора. И каждому последующему поколению приходится труднее предыдущего. Но никто еще не отказался от ее решения и может предложить на обсуждение свое как единственно верное.

Библиотека, созданная человеком, — уникальна, как уникален индивид и каждое произведение, ее составляющее. Вряд ли в мире найдутся две одинаковые библиотеки. Стремления, тревоги человека тот час же отражаются на выборе книг, которые требуются для чтения. Произведение литературы — это не только выражение психики его автора, но и выражение психики тех, кому оно нравится. Эта давняя мысль Эмиля Геннекена, подхваченная и развитая Николаем Рубакиным и его последователями¹, кажется, годится не только

¹ См.: *Геннекен Э.* Опыт построения научной критики: эстопсихология / Пер. Д. Струнина. 2-е изд. М., 2011. С. 5; *Рубакин Н.А.* Этюды о русской читающей публике. Факты, цифры, наблюдения. СПб., 1895. С. 3–4;

для художественных произведений, но, вообще, для всех, включая научные труды (несмотря на их особенный язык и среду возникновения). Таким образом, собираемые и читаемые произведения становятся не только источником, но и отражением мировоззрения создателя коллекции, они способны показать неповторимость его опыта, знаний, ценностей. Собрание книг приобретает частичку личности, которая при определенных условиях способна пережить создателя.

Наверно не ошибемся, если сочтем, что срок жизни личной библиотеки равен в целом сроку жизни ее создателя. Период активного чтения у человека длится 50–60 лет, а в последние годы жизни он устает и практически не находит сил на чтение имеющихся книг, не говоря уже о поиске новых. В связи с этим обычно библиотека жива, пока жив ее владелец, в отличие от авторских произведений и научных открытий, способных пережить создателей на десятки и сотни лет.

Каждой личности хотелось бы передать «интеллектуальный тип», образ мира, читательскую среду последователям моложе и сильнее, чтобы продолжить начатое дело освоения и постижения этого мира. Автор продолжает жить в произведениях, ученый — в открытиях, а читатель — в своих книгах.

Миру Михаила Константиновича Треушникова были знакомы все три ипостаси, ему посчастливилось выступить в роли автора, ученого и читателя.

Михаил Константинович передал часть домашней научной библиотеки кафедре гражданского процесса МГУ имени М.В. Ломоносова. Но это ее статическая часть, собранная им лично.

Открываемая книжная серия «Библиотека М.К. Треушникова» — попытка издателя, родных, учеников, коллег и друзей Михаила Константиновича сберечь и посылно продолжить создание личной библиотеки, вселить в нее жизнь, продолжить то мировосприятие, которое было присуще Михаилу Константиновичу как человеку своей эпохи.

Антон Михайлович Треушников

Издательский Дом «Городец»

Кафедра гражданского процесса Юридического факультета

МГУ имени М.В. Ломоносова

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Афанасьев С.Ф.</i> Предисловие	10
<i>Султанов А.Р.</i> Небольшое вступление к книге, которая обещает сохранить свою актуальность еще надолго	14
ГЛАВА 1. ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ОБ ИСТИНЕ	17
ГЛАВА 2. СУЩНОСТЬ СУДЕБНОГО ПОЗНАНИЯ	32
§ 2.1. Процессуальное учение об истине в правосудии по гражданским делам.....	32
§ 2.2. Общая характеристика судебного познания.....	71
ГЛАВА 3. ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРАВОВЫЕ СЛОЖНОСТИ УСТАНОВЛЕНИЯ ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ	106
§ 3.1. Соотношение установления истины, а также принципов состязательности и диспозитивности.....	106
§ 3.2. Бесспорные (признанные) факты и проблема установления истины в гражданском судопроизводстве	128
§ 3.3. Роль правовых презумпций и фикций в установлении истины.....	147
ГЛАВА 4. СУЩНОСТЬ ИСТИНЫ В ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ	166
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	185
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ	187
I. Нормативные правовые акты.....	187
II. Научная и специальная литература.....	188
III. Материалы правоприменительной практики	205

TABLE OF CONTENTS

<i>Afanasev S.F</i> Preface.....	10
<i>Sultanov A.R.</i> A short introduction to the book, which promises to remain relevant for a long time.....	14
CHAPTER 1. GENERAL THEORY OF KNOWLEDGE OF TRUTH.....	17
CHAPTER 2. THE ESSENCE OF JUDICIAL KNOWLEDGE	32
§ 2.1. The procedural doctrine of truth in civil justice.....	32
§ 2.2. General characteristics of judicial knowledge.....	71
CHAPTER 3. PROCEDURAL LEGAL DIFFICULTIES OF ESTABLISHING THE TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS	108
§ 3.1. The relationship between establishing the truth, as well as the principles of adversarial and optionality	106
§ 3.2. Indisputable (recognized) facts and the problem of establishing the truth in civil proceedings	128
§ 3.3. The role of legal presumptions and fictions in establishing the truth	147
CHAPTER 4. THE ESSENCE OF TRUTH IN CIVIL PROCEEDINGS.....	166
CONCLUSION	185
LIST OF REFERENCES AND SOURCES	187
I. Regulatory legal acts	187
II. Scientific and special literature	188
III. Materials of law enforcement practice.....	205

ПРЕДИСЛОВИЕ

Humanitatis optima est certatio.

Publius Syrus

Самое благородное соревнование —
соревнование в человечности.

Публилий Сир

Данная книга впервые была издана скромным тиражом в небольшом вузовском издательстве ровно четверть века назад, как следствие она известна лишь узкому кругу специалистов, занимающихся различными вопросами цивилистического процессуального права. По этим и другим причинам предполагалось ее значительно переработать, расширив материал через призму новейшего судопроизводственного законодательства и практики его использования органами правосудия, рассматривающими и разрешающими по существу гражданские дела.

Однако в ходе перечитывания первого издания с целью подготовки второго пришло осознание того, что, с одной стороны, проблема истины в гражданском судопроизводстве, будучи одной из вечных научных правовых проблем, не претерпела сколь-нибудь кардинального преобразования в связи с возможным возникновением принципиально новых подходов и концепций; с другой — ревизия текста неизбежно привела бы к нивелированию ретроспективного взгляда на то, каким образом развивались доктринальная мысль, процессуальный закон и конкретное правоприменение в аспекте допустимости достижения истинных знаний в ходе судопроизводства о юридически значимых фактах правовой коллизии¹.

Осведомленный читатель легко увидит, что именно за истекший период осталось неизменным в механизме правового регулирования с позиции целей, задач гражданского судопроизводства и системы принципов процессуального права, а что претерпело значительную трансформацию; какие авторские взгляды были подтверждены временем, а какие являлись слишком смелыми,

¹ Автор позволил себе для облегчения восприятия читающим материала указание в сносках на сравнение нумерации отдельных статей ГПК РСФСР 1964 г. и ГПК РФ 2002 г.

и порой, неискушенными не столь уж богатым жизненным опытом молодого аспиранта. Но, думается, как всегда оказались правыми мудрые римляне: *veritas in medio* (да, простит меня читатель за невольный каламбур).

Итак, проблема истины занимала и продолжает занимать одно из центральных мест в науке и практике гражданского процессуального права. Ее глубоким всесторонним анализом занимались на протяжении многих десятилетий ведущие ученые-процессуалисты. Но особый интерес к данной проблеме имел место в течение последних ста лет. Было сформулировано достаточно большое количество разнообразных мнений, объясняющих суть и правовую природу истины в гражданском процессе, высказано множество неординарных теоретических соображений. Несмотря на это, единых теоретико-прикладных воззрений по этому поводу до сих пор не существует.

Почти всегда оживление дискуссии относительно достижения истины в гражданском судопроизводстве сопряжено прежде всего с радикальными правовыми реформами, проводимыми в России¹, которая *ex officio* провозгласила приоритет общечеловеческих ценностей над государственными, поставила во главу угла права, свободы и интересы человека и гражданина.

В связи с этим в юридической литературе правильно отмечается, что охрана прав, свобод и законных интересов индивидуума немислима без эффективно работающей судебной системы. Однако целеполагание процессуальной деятельности органов правосудия и иных участников судебного производства, объем их полномочий представителями законодательной власти, юридической науки и практики зачастую понимается нетождественно. Традиционно имелись и имеются два несовпадающих суждения. Сторонники первого утверждают, что государство не должно вмешиваться в частные отношения институтов гражданского общества, граждан и организаций, следовательно, в гражданском процессе целесообразно ограничить активность суда, среди прочего направленную на выявление истинных знаний о правоотношениях субъективно заинтересованных лиц. Другие сомневаются в этом. В целом соглашаясь с тем, что процессуальное законодательство нуждается в реформировании, они настаивают

¹ Концепция судебной реформы в РФ / Сост. С.А. Пашин. М., 1992. С. 26.

на совершенствовании форм и способов реализации активных полномочий суда, который по-прежнему обязан обнаруживать истину по гражданскому делу.

Существенное реформатирование процессуального законодательства на рубеже веков явилось прямым следствием возобладания первого из двух суждений, как показала в дальнейшем правоприменительная практика, не смогло снять с повестки дня комплексный вопрос, связанный с повышением коэффициента эффективности деятельности судебной защиты. Правильный в основе своей законодательный посыл о рациональности лимитирования активности суда в сфере собирания и истребования доказательств, а также о перенесении основного бремени доказывания на лиц, участвующих в деле (по известной римской юридической формуле, гласящей, что доказывание возлагается на утверждающего: *affirmanti incumbit probatio*), посредством реструктуризации содержания начал состязательности и диспозитивности, вызвал значительное количество внутренних процессуальных противоречий из-за отсутствия субсидиарных правовых, социальных, финансовых и иных гарантий.

Вместе с тем, думается, что главный корень неудач отчасти кроется в том, что при проведении очередной реформы изначально не был принят во внимание базовый запрос российского общества: любое правосудие — будь то по гражданским, уголовным или административным делам — в условиях социального и имущественного расслоения населения обязано быть справедливым, а решения суда должны содержать истинные знания о правоотношениях сторон, то есть соответствовать действительности вне зависимости от того, какие интересы затронуты (частные или публичные, бедных либо богатых, власть имущих или не обладающих такой властью). В противном случае правосудие перестает быть правосудием в его исконном смысле, то есть инструментом, водворяющим справедливость для всех и каждого: *justitia in suo cuique tribuendo cernitur*.

В свете изложенного не теряют свою высокую актуальность научные исследования, сфокусированные на целях и задачах гражданского процесса, его принципах в их гармоничном сочетании, доказывании и доказательствах, проверке и пересмотре итоговых судебных актов, в которых могут содержаться истинные или неистинные выводы относительно прав и обязанностей лиц, участвующих в деле.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В завершении краткого предисловия хотелось бы выразить искреннюю признательность и низкий поклон моим дорогим учителям, к большому сожалению, уже ушедших от нас, но дело которых продолжается их учениками — доктору юридических, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Зайцеву Игорю Михайловичу, доктору юридических наук, профессору, заслуженному деятелю науки Российской Федерации Викут Маргарите Андреевне, без мудрых и профессиональных советов, а также человеческой поддержки которых эта книга не была бы написана.

Отдельно хочу поблагодарить издательство «Городец» и Фонд «Развития наследия профессора М.К. Треушникова “Путь к закону”» за возможность переиздания настоящей книги, в значительной степени основанной на трудах многоуважаемого и глубокочтимого Михаила Константиновича, память о котором объединяет людей, посвятивших свою жизнь цивилистической процессуальной науке.

С.Ф. Афанасьев

НЕБОЛЬШОЕ ВСТУПЛЕНИЕ К КНИГЕ, КОТОРАЯ ОБЕЩАЕТ СОХРАНИТЬ СВОЮ АКТУАЛЬНОСТЬ ЕЩЕ НАДОЛГО

... слухи о смерти принципа объективной
(судебной) истины в современном
гражданском процессе явно преувеличены...

Профессор А. Т. Боннер

Долгие годы, проведенные в судах в поисках истины и справедливости, в доказывании правды, породили профессиональную «аллергию» ко лжи в любом судебном процессе.

Известно, что в V в. н. э. Августин говорил: государство без справедливости — что это, как не большие шайки разбойников¹. Всякое государство, по его мнению, должно быть тождественно правовому сообществу, которое не может существовать без справедливости. «Итак, где нет истинной справедливости, там не может быть и права. Ибо что бывает по праву, то непременно бывает и справедливо. А что делается несправедливо, то не может делаться и по праву»².

Справедливость же не может существовать, когда побеждает ложь, соответственно духом законов о гражданском процессе должен быть «постулат материальной правды».

По крайней мере, в XIX в. термин, посвященный сути правосудия, был именно таков «постулат материальной правды». Как известно постулат — это исходное положение, самоочевидность, аксиома. Другими словами, когда-то ученые процессуалисты полагали, что истина есть безусловная и несомненная парадигма гражданского процесса, которая является не только целью, но сущностью правосудия.

В самом начале 1920-х годов В. А. Рязановский, полагая, что достижение материальной истины должно быть свойственно для любого судебного процесса, писал: «Суд должен установить право действительно существующее, а не формальное право. Формальная истина есть фикция истины...»³

В последующем, уже в советское время, был провозглашен принцип объективной истины. Он возлагал на орган правосудия обязанность обнаружить истину по каждому гражданскому делу, но, как не удивительно, не порождал обязанности сторон говорить

¹ Августин Блаженный, он же Аврелий Августин, христианский теолог, философ и проповедник.

² *Августин Блаженный*. О Граде Божиим. М., 2000. С. 432.

³ *Рязановский В. А.* Единство процесса. Иркутск, 1920. С. 10–11.

суду правду и только правду, поэтому ответственности для истца и ответчика, если они лгали суду, законом установлено не было.

Однако обязанность суда установить объективную истину позволяла ученым-процессуалистам утверждать, что «в условиях советского гражданского процесса бессмысленно говорить о праве сторон на ложь, о мнимом бессилии суда бороться с не соответствующими действительности сообщениями сторон. Советский суд не только обязан устанавливая действительные взаимоотношения сторон, но и наделен средствами для установления истины (ст. 5, 118 ГПК)»¹.

Теперь, после того как процессуальные кодексы были существенно изменены, а деятельность судьи была трансформирована под влиянием принципов состязательности и диспозитивности, зачастую можно услышать, что начало объективной истины ушло в прошлое; что суду достаточно установить формальную истину.

В настоящее время в процессуальных кодексах мы не найдем требований об установлении объективной истины и суд чаще всего занимает пассивную позицию при сборе доказательств.

Однако суд — это не место, где побеждает более удачливый обманщик; вполне понятно, что судебное решение будет справедливым только тогда, когда в нем будет больше правды. Занимаясь проблемами лжи в гражданском процессе, мы снова и снова возвращаемся к проблеме истины.

При этом практически всех нас удивляло и продолжает удивлять вольное отношение к правде в гуманитарных науках. В технических научных направлениях любая ложь ведет к ошибке, которая чревата недопустимыми негативными последствиями. Как пишет профессор Г. Франкфурт, «никто в здравом уме не стал бы полагаться на строителя или доверять врачу, который не заботится об истине»². Так почему же мы полагаемся на суд, который не заботится об обнаружении истины? Почему суд считает возможным доверять объяснениям представителей, которые не связаны процессуальным законом и его предписаниями в части — быть правдивыми перед судом?

Разумеется, проблема лжи в судебном производстве не решается исключительно в рамках борьбой с самой ложью, ложь — всего лишь искажение истины. Соответственно, решением указанной проблемы может быть установление истины по делу.

¹ *Курьлев С.В.* Избранные труды. Минск, 2009. С. 172.

² *Франкфурт Г.* Об истине. М., 2020. С. 21.

Данная книга, посвященная проблемам истины в гражданском судопроизводстве, — глоток свежего воздуха в атмосфере бездушного формализма, когда некоторые судьи в большей степени озабочены не установлением истины, а «отписыванием решения» с тем, чтобы оно «устояло» (да простит меня читатель за использование профессиональных жаргонизмов) и не было отменено или изменено вышестоящими судебными инстанциями в апелляционном, кассационном или надзорном порядке.

Первое издание книги, вышедшее небольшим тиражом, уже давно стало раритетным. Но за эти годы книга не потеряла своей актуальности, а может быть даже наоборот, стала еще более актуальной: у российского общества по-прежнему существует запрос на организацию справедливого правосудия по гражданским, уголовным и административным делам, которое бы оканчивалось вынесением законного и обоснованного решения, содержащего истинные выводы о сложившемся между заинтересованными лицами правоотношении.

Думается, описанный запрос не только стабилен, но имеет тенденцию к росту, а потому, как и ранее, книга будет востребована представителями науки и практики. Возможно, кто-нибудь из благодарных читателей продолжит и разовьет идеи, изложенные в данной монографической работе, а ответственный нормотворец, проникнувшись аргументами книги, сможет обеспечить общество таким процессуальным законодательством, которое создаст все необходимые условия, направленные на выявление истины в современном гражданском процессе, а не ее затемнение. Ну, а мы — практики, приученные всем своим каждодневным жизненным опытом к бессмертной литературной формуле, принадлежащей перу Ильи Ильфа и Евгения Петрова, — «Дело помощи утопающим — дело рук самих утопающих»¹, — будем реализовывать постулаты настоящей книги в своей прикладной деятельности...

Султанов А.Р.

адвокат, кандидат юридических наук, заслуженный юрист Республики Татарстан, Руководитель Представительства Пепеляев групп в Республике Татарстан, арбитр арбитражного центра при РСПШ

¹ Так известные писатели-сатирики умело обыграли фразу К. Маркса из его работы «Критика Готской программы» (1875 г.): «Освобождение рабочего класса должно быть делом самих рабочих».

ГЛАВА 1.

ОБЩАЯ ТЕОРИЯ ПОЗНАНИЯ ОБ ИСТИНЕ

Истина как гносеологическая проблема принадлежит к числу известных философских тем. К ней обращались как в древности, так и в новейшее время. Несмотря на это, и сегодня категория истины продолжает оставаться объектом многочисленных изысканий и споров. Изучение философских основ истины позволит полнее исследовать понятие и содержание истины, достигаемой в судопроизводстве.

Формирование классической концепции истины связано с именем Аристотеля, который при построении своих теоретических положений исходил из необходимости критики парадоксов софистов, провозглашавших отсутствие четкого разделения правды и неправды. В связи с этим Аристотель утверждал, что существует правда и неправда, поскольку в противном случае трудно вообще что-либо излагать, так как излагающий одновременно говорит и «да», и «нет»¹. Благодаря этому понятие истины претерпевает изменения. Оно сопрягается с идеями рациональности, познаваемости и рассматривается в трех значимых направлениях — в мировоззренческом, онтогносеологическом и логическом. В дальнейшем рассматриваемая категория приобретает универсальный характер. Именно поэтому другие философские явления либо включают ее в свое содержание, либо соотносятся как с целью познавательного поиска.

В Средневековье ученые-схоласты (Филон, Августин) истину трактовали в русле христианской традиции, как путь к Богу или вслед за Платоном в виде сверхчеловеческой трансцендентной сущности². Это породило отказ от рационализма, возврат к которому произошел лишь в Новое время.

С данного момента понятие истины обогатилось элементом «адекватности», т.е. соответствия мысли реальности, выразившейся в субъективной достоверности. Господство естествознания спровоцировало уверенность в том, что наука способна открыть такие сведения об объективно существующем мире, которые будут справедливыми

¹ Антология мировой философии. М., 1969. Т. I. Ч. I. С. 340–355.

² См.: *Ойзерман Т.И.* Некоторые проблемы научно-философской теории истины. Проблема истины и новейший эпистемологический субъективизм // Вопросы философии. 1982. № 7. С. 71.

независимо от каких бы то ни было условий. Иллюстрацией тому служили знания, полученные в области механики и физики. «Человеческий разум, — писал Галилей, — познает некоторые истины столь совершенно и с такой абсолютной достоверностью, какую имеет сама природа...»¹ Все это в конечном счете привело к выводу о том, что наука — совершенный способ разрешения всякой задачи и в самых широких пределах, только с ее помощью возможно установить истину.

Радикальные преобразования, затронувшие науку в середине XIX — начале XX в., заставили вновь обратиться к вопросам типа: что есть истина и постижима ли она? Но речь теперь шла не столько о выявлении общих закономерностей мира, сколько о конкретике познания. Гносеологическое философское исследование стало критиковаться за слишком общее понимание всякой сущности и процесса познания вообще.

Другими словами, весь комплекс черт, образующих философскую концепцию той или иной проблемы перестал рассматриваться как всеобщее явление духа или разума. Появились конкретные познавательные ситуации, которые не могли быть разрешены лишь на основе каких-либо общих критериев, поэтому возникла необходимость в изучении частных с привлечением различных методов и способов. В связи с этим толкование познания производилось через его многоуровневость, ступенчатость структуры, где каждый уровень наделялся своей значимой особой сущностью. Следствием этого явилось добавление к основным вопросам еще ряда: об объективности истины, ее абсолютности, относительности и конкретности².

В этот период выделились несколько точек зрения. Сторонники объективного идеализма полагали, что об истине нужно рассуждать как о «надвременном» явлении, и поскольку это так, нет смысла приписывать ей временное бытие³. Представители субъективного идеализма, напротив, абсолютизировали субъективную сторону процесса познания, чем поставили под сомнение объективность истины⁴. Многочисленные направления

¹ Галилей Г. Диалог о двух главнейших системах мира — птолемеевой и коперниковой. М.; Л., 1948. С. 89.

² Теория познания / Под ред. В.А. Лекторского, Т.И. Ойзермана. М., 1991. Т. I. С. 392–395.

³ См.: Гуссерль Э. Логические исследования. СПб., 1909. Ч. I. С. 65–110.

⁴ См.: Спиркин А.Г. Сознание и самосознание. М., 1972. С. 15–30.

агностицизма (материалистическое, идеалистическое, сенсуалистическое, рационалистическое, юмовское, кантовское и т.д.) вообще сводились к непознаваемости мира. Так, К. Пирсон писал, что мы похожи на телефониста из телефонной станции, который не может подойти к абонентам ближе, чем обращенный к нему конец телефонного провода, а потому мы ничего не знаем о природе вещей, о том, что находится на другом конце нашей системы телефонных проводов¹. Теоретики, отстаивавшие прагматизм, говорили, что истинное — это удобное в образе нашего мышления и не более².

Материалисты признавали объективную истину и определяли ее так: истина есть правильное отражение действительности в мысли, проверяемое при помощи критерия общественной практики. Одновременно, часть из них заявила, что состояние науки свидетельствует о наличии абсолютных истин и противопоставила таковые относительным истинам. Например, К.Е. Дюринг, трактуя вопросы науки в целом и исторической науки, в частности, подчеркивал то обстоятельство, что существуют неопровержимые положения, о которых можно сказать как об окончательных, вечных истинах³. Однако данное мнение подверглось критике приверженцами диалектического материализма, которые рассматривали истину в виде единства абсолютного и относительного. Последние утверждали, что абсолютная истина означает полное и всестороннее знание о предметах или явлениях объективной действительности. Но познание не может всецело охватить реальность, которая постоянно изменяется. Познание есть движение, постепенно затрагивающее все новые и новые стороны жизни. Учитывая это в каждой ступени познания необходимо видеть постижение относительной истины, то есть истины неполной, не исчерпывающей всего знания о явлениях, приближающей субъекта к абсолютной истине. Относительная истина же включает в себя «зерна» абсолютной истины, а абсолютная истина проявляется в относительной, являясь суммой относительных истин⁴.

¹ См.: Пирсон К. Грамматика науки. СПб., 1911. С. 82–83.

² См.: Джемс В. Прагматизм. СПб., 1910. С. 50.

³ См.: Энгельс Ф. Анти-Дюринг. М., 1950. С. 82–83.

⁴ См.: Горский Д.П. Истина и ее критерий // Вопросы философии. 1962. № 2. С. 122–124.